

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ**

Документ N 26
В.И.БУШКОВ, Д.В.МИКУЛЬСКИЙ
Общественно-политическая ситуация
в Таджикистане: январь 1992 г.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

СЕРИЯ А

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не являться официальной позицией Института.

При использовании ссылка на материалы обязательна.

Редакционная группа: В.А.Тишков (отв.ред.)

Н.А.Лопуленко

М.Ю.Мартынова

С.С.Савоскул

В.И.Бушков, Д.В.Микульский

Общественно-политическая ситуация в Таджикистане:
январь 1992 года.

Новые геополитические реалии, складывающиеся на бывшем советском Востоке после распада СССР, требуют неотложного, внимательного и всестороннего изучения различных частей мусульманского региона бывшего Союза. Это связано с тем, что суверенные мусульманские государства, возникшие на основе бывших советских республик, активно вовлекаются в международные экономические, политические и культурные отношения, ориентируясь главным образом на наиболее сильные и активные мусульманские державы, такие как Иран, Пакистан, Саудовскую Аравию, а также существенно модернизированную, но сохраняющую имидж мусульманской страны Турцию. По этой причине процессы, происходящие на востоке СНГ, все больше и больше приобретают характер, значимый для всего мира.

Специфические и долгосрочные интересы имеет на востоке СНГ и Россия. Экономические и культурные контакты установились между нею и среднеазиатским сообществом столетия назад, а в 1860-х годах значительная часть Средней Азии вошла в состав Российской Империи. На бывшем советском Востоке проживает значительное по численности и играющее важную роль в общественно-экономической жизни русскоязычное население, нынешняя судьба которого неоднозначна¹.

Среди суверенных государств Средней Азии, важной части мусульманского региона СНГ, особое место занимает Республика Таджикистан². Таджики, коренной народ этой страны, являются потомками древнейшего ираноязычного населения Средней Азии. Иранская культура, одним из локальных вариантов которой является культура таджиков, оказала сильное влияние на культуру сопредельных с таджиками народов Средней Азии, прежде всего узбеков. Теснейшими этническими и культурными узами Таджикистан связан со своими южными соседями - Афганистаном, Ираном и Пакистаном. Эти обстоятельства, а также религиозная

общность определяют крайнюю заинтересованность этих стран в упрочении своего влияния в Таджикистане.

Исключительно высокие темпы рождаемости³, острейший земельно-водный голод, крайнее экологическое неблагополучие, трансформация и частичный распад традиционных общественных связей и структур⁴ значительно накаляют обстановку в этом государстве. Можно сказать, что процессы, протекающие в других частях среднеазиатского региона, в наиболее рельефной, если угодно в классической форме проявляются именно в Таджикистане⁵.

Во второй половине 1980-х годов в развитии общественного сознания населения Таджикистана, ранее почти не затронутого современными формами общественно-политического сознания, наступил качественно новый этап. Общественное сознание таджиков (несколько медленнее⁷ других народов Таджикистана) ускоренно политизировалось, что связано, естественно, с общими процессами на огромных пространствах бывшего СССР. Политическую окраску приобрели и социальные, в том числе и национальные конфликты, что в определенной мере затушевало их социально-экономическую природу. Возникли новые партии и движения, все общество размежевалось по своим политическим взглядам и интересам.

В силу этих причин представляет практический интерес изучение развития общественно-политической обстановки в этом важном во многих аспектах государстве. Ликвидировать, хотя бы отчасти, пробел в наших знаниях о сегодняшнем дне Таджикистана и призван этот материал⁶.

Традиционные социальные институты в современных условиях

Новейшие исследования по этнографии народов Средней Азии, и прежде всего Таджикистана, показывают, что до сих пор основой социума в этом регионе продолжает оставаться традиционная община, несколько трансформировавшаяся за десятилетия коммунистического правления. В Таджикистане такая община носит название *ма х а л л и / г у з а р а* (квартала) и характерна как для сельской местности, так и для го-

рода.

Обычно феномен махалли оценивают как соседскую общину. Хотя в целом такая оценка верна, исследования показывают, что в Таджикистане, равно как и в других регионах Средней Азии, наряду с соседскими, важнейшую роль продолжают играть родовые отношения, опирающиеся на семейно-родственные (семейно-клановые) структуры.

До сих пор сохраняется род как совокупность родственников по мужской линии до седьмого колена, состоящий из нескольких больших (неразделенных) семей⁷, часто проживающих на одном дворе-участке (х а в л и, а ш г о л ь, в о х и др.), или же на нескольких, расположенных рядом, а в последнее время все чаще и в отдалении. Такой традиционный род чаще всего носит название а в л о д а (от арабского "сыны", "дети"). У некоторых групп таджиков он имеет и другие названия: к а у м, т о й ф а, х е й ш, б у н а, г р у и др.

Традиционно общность авлодов базировалась на общей собственности на средства производства, прежде всего землю (м у л к и а в л о д и). За годы советской власти характер авлодных и внутрисемейных связей подвергся существенным изменениям. Это было вызвано прежде всего демографическим взрывом конца XIX в., в результате чего произошел массовый "распад" авлодов в начале XX столетия; ликвидацией авлодной собственности на землю; формированием нового экономического базиса в форме общего фонда заработной платы, находящегося под юрисдикцией главы авлода⁸; резким повышением значения авлодной обрядности, в рамках которой авлод выступает перед внешним миром целостью-самостью, и духовной сферы.

Определенную роль в трансформации авлодов сыграли и сталинские репрессии.

Все это в итоге привело к существенному имущественному, культурному и духовному расслоению внутри авлодов.

В качестве примера можно указать

на типичную семью С.А. из Ходжента (до декабря 1990 г. - Ленинабад). Согласно традиционному сословному делению, эта семья происходит из привилегированного, элитарного духовного сословия х о д ж е й, которые считаются потомками первых четверых, так называемых праведных, мусульманских халифов (заместителей пророка Мухаммеда в качестве глав мусульманской общины). В тридцатые годы эта семья, как и другие подобные ей, подверглась репрессиям и в результате потеряла свою родословную-ш е д ж е р е, многие навыки исполнения мусульманских духовных функций, богословскую библиотеку и традиции мусульманской образованности. Отец семейства, хотя и признается ш е й х о м (хранителем) старинного семейного мазара в пригороде Ходжента, состоящего из комплекса культовых построек и могил, и исполняет определенные культовые функции, работает лифтером в больнице и по меркам Таджикистана не очень состоятелен. Правда, мать семейства, происходящая из того же сословия, но из значительно более знатного рода, получила высшее образование и работает учителем. Ее братья, в отличие от мужа, практически потеряли всякую связь с традиционной общественно-религиозной функцией рода и занимаются скупкой и перепродажей сельскохозяйственной продукции. Благодаря этому они и живут гораздо богаче С.А. Имеют, например, три автомобиля, из них два грузовых, хороший дом и т.д. Средний сын С.А. считает отца неудачником, презирает его за то, что он беден и не занимается настоящим мужским делом, как дядья. Юноша не видит никакого прока в семейном мазаре, проводит большую часть времени у дядьев, помогая им в обслуживании автомобилей (подобное неприятие некоторых элементов традиционной культуры отмечено и у других молодых людей 15-16 лет).

Сам глава семейства С.А. испытывает стойкую, хотя и тщательно скрываемую, неприязнь к мужу сестры своей жены К.И., преуспевающему молодому мутавалли (заместителю настоятеля-имам-хатыба) соборной мечети в Ходженте, которого он считает скупым, скрытным и нечтущим традиционные народные

обычай. Сам же К.И., в свою очередь, третирует С.А. как неуча и бедняка.

Расслоение и взаимная неприязнь среди родственников нередко приводят к совершению преступлений на бытовой почве. Так, лишь во время нашего кратковременного пребывания в Ходженте в январе 1992 г. в находящемся недалеко от него кишлаке Кыстакос произошла ссора между двумя родными сестрами, в ходе которой одна из сестер убила другую ударом ножа. В самом Ходженте мужчина, директор автобазы, обвиненный во взяточничестве, в состоянии аффекта убил свою жену и пытался покончить с собой. И, наконец, в махалле Кони сурби, где мы жили, скончался мужчина, получивший незадолго до этого черепно-мозговую травму от родного брата, с которым они поссорились из-за участка земли. Кстати, и в уже упоминавшейся семье С.А. его родной брат претендует на часть авлодных земель и в своих поползновениях блокируется с живущими возле мазара скотоводами-кипчаками, придавая семейному конфликту характер межнационального.

Все это, во-первых, свидетельствует о социальном напряжении в обществе, во-вторых, о земельном голоде в республике, так же как и о том, что советские юридические нормы, в том числе и касающиеся наследства, плохо приживаются в Средней Азии. Прежде, когда наследственные земельные владения (как авлодные, так и других категорий) делились в соответствии с адатом и шариатом, которые считались богоданными и поэтому неоспоримыми, подобного рода конфликты случались значительно реже.

Приведенные факты говорят о том, что традиционные родственные связи находятся на этапе крупных трансформаций.

Несмотря на эти процессы, многие традиционные связи в таджикском обществе продолжают играть значительную роль, так же как некоторые структуры и институты. Одним из таких традиционных институтов, сохраняющим свое значение, является институт мужских объединений, регулярных и регулируемых ритуалом и этикетом мужских собраний, которые и сейчас часто

носят территориальный (квартальный) характер⁹. Основной функцией этого института была передача социальной информации от старших поколений младшим, а также неформальное управление и регулирование жизни общины.

В последние годы во многих кварталах городов Таджикистана официально структурируются и определенным образом оформляются традиционные кварталы, в том числе и с официальными функциями проведения собраний мужчин (у таджиков они называются по-разному)¹⁰. Например, в одном из новых микрорайонов г. Душанбе жители нескольких многоэтажных домов, окружающих двор, совместно арендовали многокомнатную квартиру, используя ее под традиционный общественный центр: мечеть, гапхону (помещение для собраний мужчин), мактаб (конфессиональную школу), помещение для общественного обрядового инвентаря. В этом центре периодически собираются мужчины одной возрастной группы, поочередно устраивая угощение. Данный конкретный г а ш т а к носит махаллинский характер, так как в данном случае махалли возродилась на основе нескольких домов, образующих микрорайон. Одним из важных современных элементов этих собраний является обучение арабскому языку и письму, а также некоторым теоретическим положениям мусульманской религии, которое проводит за определенную плату один из участников гаштаков – арабист по профессии. Весьма показательно, что в этом же гаштаке участвуют и некоторые из русских, живущих в квартале.

Подобным же образом структурируются махалли в других городах. Например, в Ходженге в последние годы такой квартал сформировался на базе двух современных девятиэтажных домов в самом центре города по ул. Ленина, 40. Официальное "возрождение" традиционной махалли началось здесь в 1990 г. (после заселения домов в конце 1988 г.), когда в подвальном этаже одного из домов было выделено помещение для проведения собраний мужских объединений. В течение 1990–1991 г. во дворе, образованном двумя стоящими под углом домами, на средства, собранные в складчину жителями, были возведены кирпичная

мехмонхона (гостиница), примыкающие к ней и также расположенные под углом (образуя с домами в плане квадрат) бетонированные площадки, перекрытые навесом, — шипангом из металлических конструкций с шиферным покрытием. Были сооружены также помещение для общественного инвентаря и крытая площадка для приготовления пищи во время квартальных обрядов. После завершения строительства мужчины средних возрастов перенесли свои собрания в новую мехмонхону, оставив подвальное помещение молодежи. Подчеркнем, что здесь возродились казалось бы забытые функции общественного гостеприимства, когда гости имели возможность останавливаться в квартальном общественном помещении, в данном случае — в мехмонхоне.

Имеющий универсальный характер для среднеазиатского общества институт мужских объединений претерпел в последние десятилетия (особенно в 1970-е — 1980-е годы) серьезные изменения. Несмотря на юридическое возрождение этой структуры в рамках легализации общественных центров, возвращаются в общество эти собрания серьезно изменившимися как организационно, так и функционально. Во-первых, в последние два десятилетия завершилась практически повсеместная переориентация связей внутри мужских объединений с вертикальных (межпоколенных) на горизонтальные (внутрипоколенные: дружеские, профессиональные, соседские и др.), что отразило объективно усложнившуюся структуру общества.

В силу этого мужские объединения в определенной степени перестали играть традиционную роль передачи социального опыта от старших к младшим (оставив эту функцию семейно-родственным структурам), а также роль неформального посредника между семейно-родственными и общественно-административными структурами (махаллинскими комитетами и советами). У них появилась новая универсальная функция: жесткое цементирование социальных связей между представителями определенных профессий (прежде всего в торговле), общественных групп и социальных слоев.

Во-вторых, в 1970-х годах произошло практически полное "отмирание этого института у некоторых локальных общностей населения, которые, как, например, таджики-матчинцы в Дальверзинской степи в силу ряда исторических причин превратились в сельскую маргинальную группу с разрушенными или сильно трансформированными традиционными общественными институтами" ¹¹.

В третьих, в нынешних условиях ускоренной политизации таджикского общества уникальные возможности и потенции мужских объединений начинают активно использоваться в политической деятельности, в том числе и организационной. Появились группы, объединяющие мужчин по политическим интересам (не путать с такими политическими структурами, как политклуб "Ру ба ру", клуб "Дирафши Ковиён", "Тадждид" и др.). Например, регулярные гаштаки такого рода проводятся между членами Демократической партии Таджикистана, а в особенности - в Исламской партии возрождения (ИПВ). Один из гаштаков объединяет двенадцать членов Совета улемов (знатоков ислама) ИПВ. Поскольку все члены Совета живут в разных районах Таджикистана, этот гаштак организуется по принципу очередности, когда все улемы в определенной последовательности съезжаются и очередному улему, дающему гаштак. На более низкой ступени партийной иерархии гаштаки (гапы) устраиваются в районных организациях ИПВ. Параллельно низовые партийные функционеры продолжают оставаться членами традиционных объединений по месту жительства.

Таким образом, традиционный механизм передачи социальной информации оказался идеально подходящим для передачи политических решений и распространения определенной системы политических воззрений.

Одним из важных факторов общественной жизни в Таджикистане остается его традиционная сословная структура. Известно, что национальная таджикская интеллигенция и кадры партийно-государственного и административного аппарата в зна-

чительной степени формировались из выходцев из старинных элитарных духовных социальных групп, одной из наиболее массовых среди них было сословие ходжей. И сейчас выходцы из этого и других сословий (сейидов, ишанов, тура) занимают многие ответственные посты в государственном аппарате, составляют значительную прослойку в научной и творческой интеллигенции. К этому сословию принадлежит ряд видных таджикских ученых-востоковедов, археологов, этнографов. Интересна судьба одного из этих ученых, отец которого, получивший еще до революции высшее духовное образование в Бухаре, был в числе первых коммунистов Таджикистана и погиб в результате репрессий 30-х годов. Сам ученый, несмотря на трудности, выпавшие на его долю в детстве и молодости, сумел получить высшее образование и сделать хорошую научную карьеру. Такие факты свидетельствуют не только о личных способностях, но и о значительной традиционной активности сословия ходжей и других привилегированных групп в таджикском обществе.

В полной мере продолжают сохраняться традиционные связи между сословными группами и простым населением (ф у к а - р о). В их основе лежат отношения типа "пир - мюрид", имеющие некоторые иерархические разновидности. Например, в одном из поселков Матчинского района Ленинабадской области живет некий узбек, старший лейтенант милиции, выходец из сословия тура (представители которого считают себя потомками Тимура). Этот человек регулярно получает с а д а к у (добровольные пожертвования, освященные исламом) от своих соплеменников, проживающих на территории Узбекистана. Другой пример - в прокуратуре одного из районов Ташкента работает узбек из сословия ишанов - потомственный ишан племени юзов. Раз в два-три года он (ишан) объезжает селения, где живут юзы, и собирает садаку. Объезжает он и селения в округе Ходжента.

Региональное сознание, региональные и этнические противоречия и конфликты

Еще при Сталине таджики были объявлены советской социалистической нацией. На самом же деле, как показывают объективные исследования и практика, они образуют скорее совокупность близкородственных этнических и этнографических групп, отличающихся друг от друга не только антропологически или диалектально, но и элементами социо-нормативной культуры, а также менталитетом. Следует подчеркнуть, что каждая из территориальных исторических групп обладает особым региональным самосознанием, на определенном уровне противопоставляя себя не только другим народам, но и другим группам таджиков¹².

Обычно сами таджики легко разделяют себя на северных и южных. Последние, в свою очередь, делятся на гармцев, каратегинцев, кулябцев и прочих, все они четко отделяют себя от памирских народов и друг от друга.

На территории Таджикистана традиционно живут и узбеки самого различного происхождения (тюрки, барласы, кара-китай, карлуки, мухаттары, локайцы, мангыты, кенегесы, каттаганы, юзы, шинги, туяклы, найманы, калытатай и многие другие), а также киргизы, современные государственные образования которых граничат с Таджикистаном.

Взаимоотношения между различными народами, этническими и этнографическими группами в Таджикистане осложняются тем, что в советское время подавляющее большинство государственных и партийных постов в республике занимали выходцы из Северного Таджикистана, что, в общем, вполне объяснимо большей традиционной развитостью Севера в экономическом отношении, а также большей динамичностью и культурой самих ходженцев, многие семьи которых испокон веков занимались торговлей. Однако объективно^{это} имело негативные последствия для общественных отношений, т.к. на протяжении длительного времени значительные общественные группы, имевшие особые территориальные интересы и общественные устремления, оказа-

лись отрезанными от механизма принятия решений и, соответственно, имели меньше возможностей для реализации интересов. С другой стороны, доминирование какой-либо одной этнической или сословно-территориальной группы в политической жизни восточного общества представляет собой явление вполне обычное и закономерное.

Как бы то ни было, главенство ходжентцев вызывает сильное раздражение представителей южных региональных групп. Даже некоторые весьма образованные и по настоящему интеллигентные люди, входящие в научную элиту Таджикистана, полагают, что большинство бед в республике происходит от засилья ходжентцев, которые высокомерны, заносчивы и беспардонно третируют остальных таджиков.

Со своей стороны и ходжентцы платят всем прочим таджикам той же монетой. В Ходженте, в учительской среде нам приходилось слышать крайне негативные отзывы как о южных таджиках, так и о памирцах и ягубцах. Матчинцы считают себя среди прочих таджиков самыми благородными и свободолюбивыми — ведь они дольше всех в Таджикистане сопротивлялись русскому завоеванию, а также установлению советской власти. Теперь же многие из них наиболее истово держатся за коммунистическую идеологию. В то же время ходжентцы относятся к матчинцам с иронией, уверяя, что матчинцы претендуют на то, что все остальные таджики происходят именно от них.

Различия и противоречия отмечаются не только в местах компактного проживания тех или иных этнографических групп таджиков, но также и в столичном городе Душанбе, где действуют региональные землячества. В настоящее время даже мечети в Душанбе параллельно с квартальными строятся на земляческой основе: есть мечети кулябцев, каратегинцев, курган-тюбинцев и т.д.

Интересно отметить, что поводом для конфликта между таджикостанскими арабами и местными таджиками, с одной стороны, и таджиками, выходцами из Каратегина — с другой, ко-

торый произошел в исторической области Кобадиян на юге республики 31 июля 1991 г.¹³, были также факторы идеологического характера. При этом оказалась в определенной мере скрыта реальная причина напряженности, в том числе и для средств информации. Дело же заключалось в том, что таджик-каратегинцы были переселены в Кобадиян в 50-е годы в новые хлопкосеющие районы и поэтому считаются местными таджиками и арабами пришельцами. Тем не менее, они стали активно занимать все руководящие должности в районе. Когда при содействии всех проживающих в Кобадияне мусульманских этнических групп вскладчину была построена мечеть, имамом (настоятелем) в ней стал каратегинец.

Местные таджики стали возмущаться этим, считая себя коренными жителями Кобадияна, обустроившими и оживившими эту землю. Арабы также заявили свой протест, мотивируя его тем, что именно они - носители чистого, истинного ислама и сородичи Пророка имеют законное право на религиозные преимущества, хотя они и вынуждены подчиняться менее достойным людям. В результате между арабами и таджиками-кобадианцами, с одной стороны, и таджиками-каратегинцами, с другой, произошли столкновения. По словам очевидцев, вызванный местными властями ОМОН, костяк которого составляли каратегинцы, стал избивать именно таджиков-кобадианцев и арабов. В итоге четыре бригады арабов потребовали дележа земель и вышли из колхоза, образовав новый.

Характер политической культуры Таджикистана и его влияние на межнациональные отношения

Господство региональных процессов над общенациональными предопределяет и особый, специфический характер политических процессов и политической культуры в республике. Процессы эти носят, главным образом, локальный характер, охватывая преимущественно отдельные сословия и региональные группы.

Приверженность тем или иным политическим воззрениям и политическим структурам часто предопределяется не личным

выбором того или иного индивида, а принадлежностью его к той или иной родовой группе или группе кланов, а также общностью регионального происхождения. Так, даже в среде казалось бы единой по социальному положению научной интеллигенции г. Душанбе, были как сторонники, так и противники президента Таджикистана Р.Набиева, который сам родом из Северного Таджикистана. Причем выходцы с Севера однозначно были сторонниками, а выходцы с Юга – противниками президента. Такая позиция южан и северян прекрасно осознается ими самими.

В столь традиционном обществе, каким является современный Таджикистан, в политической борьбе часто применяются и архаичные методы. По словам одного из представителей научной элиты Душанбе, яркого сторонника президента Р.Набиева, бывший претендент на пост президента Таджикистана Д.Худойназаров не годился в президенты потому, что является незаконнорожденным, так как был зачат его настоящим отцом еще тогда, когда его мать была замужем за другим мужчиной. Оставляя этот вопрос открытым, укажем лишь, что подобные слухи распространялись еще в VIII столетии о правителе Ирана и Хорасана ал-Хаджжадже ибн Йусуфе для того, чтобы скомпрометировать его и выставить в неприглядном виде. Это свидетельствует о том, что и на современном Востоке хула на родителей и происхождение политического оппонента, хотя и является определенным стереотипом, продолжает оставаться действенным оружием в руках его противников.

В политическом противоборстве часто используются и традиционные общественные институты. Так, по сообщениям респондентов, старики из окружающих Душанбе кишлаков приезжали в сентябре 1991 г. на общенациональный митинг, организованный движением "Растоҳез" ("Возрождение"), Демократической партией Таджикистана и Исламской партией возрождения потому, что муллы в мечетях говорили, что те, кто не будет участвовать в митинге, после смерти окажутся в аду, в земной же жизни таких людей их браки будут считаться недейст-

вительными. В данном случае, по всей видимости, речь шла о муллах, сторонниках ИПВ, которая в настоящее время блокируется с ДД и "Растохезом". В то же время муллы – сторонники Р.Набиева, по словам некоторых респондентов, запрещали своим прихожанам голосовать во время предвыборной борьбы за Д.Худойназарова потому, что он не суннит, как большинство коренных жителей Таджикистана, а шиит (дело в том, что Д.Худойназаров происходит из шугнанцев – одного из памирских народов, которые традиционно исповедуют одну из ветвей шиизма – исмаилизм, правда в сильно трансформированном виде).

В силу неразвитости индивидуального сознания в таджикском общественном мнении ответственность за те или иные политические акции ^{нередко} возлагается на целые региональные общности. Так, по некоторым сведениям, в связи с тем, что на президентских выборах кулябцы в целом поддержали кандидатуру Р.Набиева, соседняя Курган-Тюбинская область, выступившая за Д.Худойназарова, прекратила им поставки продовольствия.

Говоря о современной политической культуре в республике необходимо указать на еще одну весьма традиционную, но в то же время и очень важную ее особенность. Это – использование в пропаганде и политических акциях стихотворной речи. В Таджикистане существует своеобразный культ поэзии, уходящий своими корнями в средневековую культуру ираноязычных народов. Поэтому и в прессе, и на массовых политических мероприятиях большую смысловую и эмоционально-психологическую роль играет публикация или чтение стихов. Так, во время антипрезидентского митинга в Душанбе, организованного "Растохезом" и ДД 12 января 1992 г., большой популярностью пользовался политизированный поэт демократического лагеря Вазор Собир, который читал на митинге свои стихи.

Помимо этнической и культурной неоднородности самих

таджиков, ситуация в Таджикистане осложняется также и тем, что здесь, как уже говорилось, наряду с титульной национальностью проживает значительное количество представителей других народов. Крупной инонациональной группой является так называемое русскоязычное население, сосредоточенное, главным образом, в городах и занятое, преимущественно, в промышленности. Из этой группы только лишь русские, украинцы и белорусы в 1989 г. составляли около 8,6% населения республики.

Известно, что после февральских событий 1990 г. в Душанбе, когда массовый протест против политики тогдашних властей обернулся погромом и избиением как местного, так и русскоязычного населения, многие его представители выехали за пределы Средней Азии. Сейчас, в начале 1992 г. чисто внешне отношение к русским в Таджикистане вполне дружелюбное. Видимо, в определенной степени это связано и с тем, что коренное таджикское население в связи с массовым отъездом русских¹⁴ стало понимать на собственном опыте, что без них останавливаются многие жизненно важные производства. Ведь до недавнего времени русскоязычные группы составляли около 63% всех занятых в современном промышленном производстве, а кроме того, значительную часть врачей, учителей и других подобных профессий. Представители же русскоязычного населения отмечают, тем не менее, возрастание напряженности в отношениях с таджиками. Например, пенсионерка из Душанбе сообщила, что русские постоянно подвергаются нападениям и оскорблениям в транспорте и других общественных местах, обвинениям в том, что они, якобы, забрали себе все лучшее и разграбили весь Таджикистан. По ее словам, власти чинят препятствия в получении контейнеров для выезжающих в Россию, продаже или обмену жилья (об этих фактах писала пресса), подвергают русскоязычное население дискриминации при распределении товаров повседневного спроса. Работник сферы обслуживания из пос. Бустон на севере Таджикистана, занимающая по местным представлениям весьма престижное положение

в обществе, утверждая, что ежедневно подвергалась нападкам и оскорблениям со стороны таджиков, которые постоянно говорят ей: "Убирайся к своему Ильцину, пусть он тебя и кормит".

Вообще, нужно отметить, что политика российского руководства, которая ассоциируется у местного населения с личностью Б.Н.Ельцина, вызывает большое раздражение прежде всего из-за повысившихся цен и появления кооперативных и коммерческих торговых предприятий. Очень многие, с кем приходилось беседовать, спрашивали, когда же Россия избавится от своего первого президента. Известный ученый, член-корреспондент АН Таджикистана отметил, что политика Б.Н.Ельцина вызывает раздражение не только против него лично, но и против России в целом. По его мнению, Россия виновата перед Таджикистаном тем, что якобы систематически грабила его на протяжении многих десятков лет. Будущее Таджикистана этот ученый видит в достижении им полной независимости и трансформации в некую азиатскую Швейцарию, в банки которой будут вкладываться иностранные капиталы. Показательно, что сам он — сторонник президента Р.Набиева (хотя и ярый противник аппарата), его земляк и личный друг.

В отличие от этой точки зрения сторонники "Растохеза", ДП и блокирующей с ними ИПВ, а также ряд руководителей этих организаций высказывались за союз Таджикистана с Россией (зам.председателя "Растохеза" Ш.Имомов), а также за то, чтобы русские, которые считают Таджикистан своей родиной, оставались здесь (зам. а м и р а (председателя) ИПВ Д.Усмон), говорили о том, что таджикские мусульмане радуются возрождению религиозности русского народа и что российское телевидение наконец-то показывает народу правду (сторонники ИПВ — преподаватели медресе в Ходженте).

Отношения между таджиками и русскоязычным населением осложняются не только объективными факторами (бинарное расселение, различное социально-классовое и профессиональное положение, принадлежность к различным конфессиям, различным

культурам и т.д.)¹⁵, но и тем, что обе эти группы населения имеют сформировавшиеся негативные стереотипы восприятия друг друга. К современным негативным стереотипам у таджиков относится массовое отрицательное отношение к Б.Н.Ельцину, а также твердое убеждение в том, что русские, якобы оборали весь Таджикистан и именно из-за них таджики так плохо живут¹⁶. В свою очередь, для русскоязычного населения характерно восприятие таджиков как торгашей и спекулянтов, не желающих честно работать. Думается, что реальной основой такой точки зрения служит тот факт, что среди народов бывшего Советского Востока, несмотря на внедрение государственной системы распределения и торговли, рыночные отношения никогда не умирали и существовали и в открытой (в рамках базарной торговли) и в скрытой (в рамках формально государственных магазинов) формах. Такая ситуация была и остается непонятной и неприемлемой для большинства русских, проживающих в Средней Азии.

Несмотря на многие сложности психологической обстановки для русскоязычного населения в Таджикистане и отъезд очень многих в Россию, наблюдатели отмечают сейчас некоторую реиммиграцию русских, недавно покинувших пределы республики. Давая такую информацию, наблюдатели-таджики испытывали явное чувство морального удовлетворения, подчеркивая неблагодарность возвращающихся и великодушие таджикского народа. Русскоязычные же респонденты отмечали, что за десятилетия жизни в Таджикистане многие уехавшие русские отвыкли от российской действительности, условий жизни, в том числе и от более холодного климата.

Межнациональные отношения в Таджикистане усугубляются также и тем, что, как это характерно для восточного общества в целом, представители каждой конкретной этнической группы здесь монополизировали некую социальную нишу, поэтому на социальные противоречия часто объективно накладываются противоречия этнического характера. Примером может служить ситуация, сложившаяся в одном поселке (пгт), где большинст-

во жителей составляют европейцы (как обобщенно в Средней Азии называют русскоязычное население), а большинство жителей окраин и близлежащих окрестных кишлаков — узбеки. Костяк местной милиции составляют милиционеры-узбеки, частично местные, которыми командует офицер-таджик. По всей видимости, коренное население, в том числе и милиционеров, раздражают современные формы культуры, популярные среди русскоязычной молодежи, в частности, дискотеки. По словам милиционеров, на дискотеках часто происходят некие акты массового хулиганства. Для того, чтобы их пресекать, милиционеры не нашли ничего лучше, чем ловить замеченных на дискотеках молодых людей поодиночке и подвергать их в отделении унижениям и издевательствам. Понятное дело, что такого рода акции не служат делу укрепления межнациональных связей.

Известная напряженность в отношениях существует также и между таджиками и другими восточными народами, живущими в республике, главным образом, узбеками. В целом, общественное мнение таджиков, питаемое идеями таджикского национализма и паниранизма, построено резко антитуркски и антиузбекски. Часть таджикской интеллигенции считает Среднюю Азию исконной таджикской территорией, захваченной турками. Наиболее чувствительным для национальной гордости таджиков является присоединение к Узбекистану в тридцатые годы Самарканда и Бухары с прилегающими территориями, население которых действительно было таджикским. Ответственность за этот акт возлагается на пантюркистов, которые якобы сумели дезориентировать тогдашнее руководство СССР и заставить его принять такое противоречащее интересам таджикского народа решение. Руководство Узбекистана обвиняется в проведении великодержавной ассимиляторской политики, навязывании таджикам узбекского языка, закрытии таджикских школ, насильственной записи таджиков в документах узбеками.

Особую ненависть до сих пор вызывает покойный Ш.Р.Рашидов, кото-

рый, по словам одного из врачей в Бустоне, "был для таджиков хуже, чем Тамерлан". Эти настроения формируют и подпитывают, с одной стороны, ориентацию Таджикистана на Иран, с другой, - части таджиков на Россию, в которой видят противовес узбекскому влиянию.

Хотя некоторые представители таджикской интеллигенции утверждают, что в Таджикистане к узбекам отношение принципиально иное, чем к таджикам в Узбекистане ("там, где живут три узбека, есть узбекская школа"), все же узбекское население Таджикистана испытывает, видимо, некоторые притеснения. Так, например, известны факты, когда даже в среде интеллигенции, таджики, имеющие жен не таджичек (хотя и относящихся к коренным для Средней Азии национальностям), испытывают в настоящее время сильное давление со стороны сослуживцев и знакомых с тем, чтобы побудить их к разводу.

Такая атмосфера способствует развитию чувств неудовлетворенности, неуверенности, ощущений несправедливого отношения и даже дискриминации. По словам одного милиционера из небольшого городка под Ходжентом, узбека по национальности, он испытал недавно на себе дискриминацию по национальному признаку во время участия в областных соревнованиях по милицейскому многоборью. По его мнению, ему присудили лишь третье место после таджика и русского, хотя наш респондент стрелял и выполнял упражнения лучше последнего, только потому, что он плохо знает таджикский язык и объяснялся с организаторами состязаний по-русски. Дискриминация, с точки зрения респондента, вполне очевидна, так как на состоявшихся вскоре республиканских соревнованиях он занял второе место.

С другой стороны, среди узбекского населения Таджикистана со стороны Узбекистана ведется активная пропагандистская работа, в ходе которой подчеркивается, что таджикостанские узбеки - часть узбекского народа, содержатся призывы к соплеменникам не пользоваться при общении с таджиками таджикским языком. Недаром большинство межнациональных конфликтов в этой республике были таджикско-туркскими.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что общее неблагоприятное социально-экономической и общественно-политической обстановки накаляет и отношения между проживающими в республике народами. Этническая принадлежность личности играет в традиционалистском обществе весьма важную роль во взаимоотношениях людей, а национальные проблемы волнуют достаточно широкие общественные круги. Так, нам часто приходилось наблюдать, как простые люди, далекие от науки, обсуждали со своими друзьями проблемы происхождения народов, причем, что характерно для обществ с сильными родовыми традициями и религиозной книжной ученостью, история того или иного этноса представлялась в виде легендарной генеалогии прародителей этого народа.

Деятельность основных общественно-политических сил

Религиозная обстановка и конфессиональные политические движения.

Традиционное общество, с которым мы фактически имеем дело, еще много столетий

назад породило своеобразную идеологическую систему, оказывающую исключительное влияние на всех его членов. Именуемая в науке народным исламом, эта система вобрала в себя элементы чисто исламских, а также раннехристианских, манихейских и зороастрийско-языческих верований, ранее широко распространенных среди населения среднеазиатского региона. Одним из наиболее общественно значимых порождений этой системы стал культ святых и относящихся к нему святых мест — так называемых **мазаров**. Несмотря на разрушения, причиненные этому слою народной культуры в последние десятилетия, мазары продолжают существовать повсеместно, практически в каждом селении или даже в квартале-махалле.

В Таджикистане почти в неприкосновенном виде сохранился и другой институт общественно-религиозной жизни — квар-

тальные мечети, которые продолжают оставаться не только местом богослужений, но и центром общественной жизни, своеобразным клубом для пожилых мужчин. Как правило, шейхами (хранителями) мазаров и имамами мечетей являются лица, предки которых также занимали эти должности. При мечетях издавна существовали мусульманские начальные школы - мактабы. Несмотря на гонения, которым подвергались до недавнего времени религии, традиция мусульманской образованности и при существовании в подполье выжила и сейчас, когда все ограничения сняты, активно теснит светское образование. За последние 2-3 года в Таджикистане официально зарегистрировано уже более двух тысяч мечетей. Не меньшее их количество строится. При действующих мечетях легально функционируют и школы-мактабы. За определенную плату, взимаемую с родителей учеников, квартальная община нанимает учителя, который и занимается с ребяташками.

Как поясняют респонденты, ситуация на юге Таджикистана, касающаяся традиций мусульманской образованности, несколько иная, чем на севере. В местных мусульманских школах-мактабах преподают вышедшие из подполья духовные авторитеты, представители старинных суфийских родов, которые учились у последнего, уже ^{из эмигрантов} ушедшего поколения выпускников бухарских медресе, главным образом, Мир-Араба. Простые сельчане нередко отдают такому "святому" человеку одного из своих сыновей, чтобы и он приобщился к мусульманской образованности и благочестию (последнее особенно важно). Иногда, желая совершить богоугодное дело (с а в о б), простые люди, сами не имеющие сыновей, выбирают способного мальчика, сына какого-нибудь соседа или родственника, направляют его к такому духовному авторитету и оплачивают его обучение.

Обучение мусульманским наукам всегда считалось в общественном мнении делом трудным. Поэтому о популярных религиозных деятелях рассказывают истории, свидетельствующие об усилиях, затраченных ими на поприще учения. В этом отношении весьма показательна такая история: несколько лет назад в Гарме

жил и учил некий духовный наставник, которого все звали Мавлави (господин). К нему на учебу поступили двое братьев, один - здоровый и физически очень сильный, другой - слабый телом, но очень способный мальчик. Будучи, по всей видимости, не из очень обеспеченной семьи, они были приняты на условиях исполнения самой черной работы. Выучившись младший стал видным и авторитетным настоятелем одной из мечетей в Душанбе. Старший же брат, не делавший особых успехов в учебе, по-прежнему продолжает его всячески опекать, защищать и решать за него мирские проблемы.

Примерно такое же распределение функций мы наблюдали в ишанской семье М.В. Матчинском районе. Двое братьев (старший - 1954 г. рождения) обучались мусульманским наукам у своего отца, видного авторитета в этой области. Младший, ныне настоятель мечети Мухаммеда Икбала, как рассказывают окружающие, семь лет (секральное число) находился взаперти в доме отца и предавался учению. Он считается в округе святым человеком несколько не от мира сего, и в этом кроется секрет его влияния на окружающих. Старший же, который не вел такого отшельнического образа жизни во время обучения, признается несколько менее образованным, хотя и достаточно авторитетным наставником. Он весьма активен в общественно-политической области, депутат областного Совета, секретарь - а м и н областной организации Исламской партии возрождения.

Вообще следует отметить, что традиция передачи знаний в семейном кругу, от отцов и сыновьям, практически повсеместно сохранилась в среде традиционных духовных лидеров, несмотря на то, что, по крайней мере, в течение трех поколений она испытывала сильнейшее давление со стороны партийно-государственного аппарата.

Традиционные мусульманские духовные руководители представляют собой особое сословие, часть которого еще в военные годы, когда в Советском Союзе была создана система мусульманских духовных управлений, была принята ^{туда} на службу

и работала фактически под государственным контролем. Центром Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) являлся Ташкент, и главенствующее положение в нем занимали представители узбекского духовенства. В Таджикистане же, Киргизии, Туркмении и Казахстане действовали отделения САДУМ - казияты. Примерно три года назад казиат Таджикистана отделился от САДУМ и объявил себя независимым религиозным органом. В этом также, без сомнения, проявилось определенное таджикско-узбекское противостояние, а также стремление таджиков к национальной самостоятельности. В настоящее время во главе Казията Таджикистана стоит молодой (1950 г. рождения) верховный кази (верховный судья, по-таджикски к а з и - к о л о н) Тураджон-зода, происходящий из старинной духовной семьи южно-таджикской области Гарм. Тураджон-зода пользуется репутацией образованного, современного человека со светскими взглядами, но в то же время и хорошо разбирающегося в мусульманской догматике. Среднее образование он получил в душанбинской школе, затем окончил бухарское медресе Мир-Араб, учился в Исламском институте имени Бухари в Ташкенте, а позднее - на факультете мусульманского права Амманского университета в Иордании. Занимал ответственный пост в системе САДУМ, после чего занял пост кази-колона. Такая стремительная карьера Тураджон-зода объясняется не только его личными качествами, но также происхождением и семейными связями. Отец его, Ходжа Акбар, не только наследственный религиозный авторитет, славящийся образованностью и благочестием, но также и видный в прошлом деятель Казията.

Находясь во главе Казията, Тураджон-зода старается проводить независимую от государственных структур политическую линию, стремясь в то же время выступать в качестве арбитра между различными политическими силами (партийно-государственными структурами, демократами и ИПВ).

Два-три года тому назад по инициативе Тураджон-зода в Таджикистане стали официально создаваться медресе - высшие конфессиональные духовные училища, в Душанбе же организован

и действует под непосредственным патронажем Казията Исламский институт.

В Ходженге медресе располагается в одном из зданий бывшего областного краеведческого музея. В нем обучается 105 студентов не только из Ленинабадской области или других районов Таджикистана, но и со всей Средней Азии. Преподают арабский язык и письменность, коранические науки, предания о поступках и речениях пророка Мухаммеда (хадисы), мусульманские правовые дисциплины (фикх и шариат, история ислама, а также некоторые другие предметы. По словам преподавателей медресе, оно существует на частные пожертвования. Бюджет учебного заведения, судя по всему, довольно значителен, ибо руководителям его удалось в короткий срок реконструировать и капитально отремонтировать старое здание, в котором оно помещается.

Подчиняющиеся Казияту мечети, а также он сам, ведут широкую религиозно-просветительную работу среди населения. В Казияте в то же время понимают, что излишне широкая подготовка религиозных кадров может привести к их избыточности и вызвать трения в среде самого духовенства, которое и так весьма неоднородно. Поэтому сейчас связанное с Казиятом духовенство пропагандирует среди студентов медресе мысль о том, что помимо религиозных знаний им следует приобретать и современные гражданские специальности, чтобы иметь возможность работать на производстве. В этом проявляется также понимание некоторыми религиозными кругами необходимости модернизации общества по примеру зарубежных мусульманских стран.

Деятельность возглавляемого Тураджон-зода Казията претендует на общенациональное значение. Тем не менее, сам Верховный кази в своей повседневной деятельности опирается на своих земляков из Гарма, что вызывает раздражение в других регионах Таджикистана. Так, например, в Ходженге, даже в кругах, близких к официальному духовенству, бытует мнение о том, что Тураджон-зода ведет себя совершенно неправильно, не пользуется авторитетом в народе и вообще недостойн зани-

мать *этот* высокий пост.

А в Кулябской области дело дошло до того, что по некоторым сведениям, имам-хатыб тамошней мечети отложился от Казията и получил свои полномочия непосредственно от САДУМ из Ташкента.

Согласно информации, преимущественно на выходцев с юга (Гарм, Каратегин, Курган-Тюбе, Куляб) опирается и другая, играющая все возрастающую роль в общественно-политической жизни Таджикистана религиозная сила - Исламская партия возрождения. Из Гарма происходит сам а м и р (председатель) ИПВ Мухаммадшариф Химмат-зода, а из Куляба - его заместитель Давлат Усмон. Правда, по словам Д.Усмона, социальная база ИПВ существенно расширилась и она имеет прочные позиции не только на юге, но и на севере республики.

Вплоть до недавнего времени членов ИПВ в официальной таджикской прессе, равным образом, как и в центральной печати, было принято называть ваххабитами. На самом деле такое наименование совершенно неверно - изначально идеологические установки ИПВ связаны с современным фундаменталистским направлением в исламе, получившим распространение во многих странах зарубежного Востока в связи с кризисом традиционного способа производства и образа жизни. По словам руководителей ИПВ, первые группировки фундаменталистов в республике появились в 1977 г. По всей видимости, первоначально они состояли из людей, в определенной мере потерявших связь с традиционными общинно-клановыми структурами, молодых выходцев из бедных и незнатных семей. Тогда же в этих группах возникли и подпольные школы по изучению арабского языка, Корана и хадисов. Иначе говоря маргиналы, главенствовавшие на начальных этапах в фундаменталистском движении, создали и свою собственную, независимую от традиционных и официальных религиозных кругов систему воспроизводства и передачи религиозных знаний. Одновременно многие из них стремились к получению светских специальностей. На-

пример, сам Д. Усмон – зам. амира ИПВ, родившийся в 1957 г. в Кулябской области, учился в Политехническом институте в Душанбе, а в итоге закончил юридический факультет Душанбинского госуниверситета. Другие члены ИПВ работают в сфере материального производства, бытовом обслуживании, механизаторах, техниками, т.е. ведут активный в социальном плане образ жизни.

Такого рода направленность на современные светские специальности характерна и для членов фундаменталистских организаций в других странах Ближнего и Среднего Востока и является следствием того, что социальную базу этого движения составляют вырванные из традиционных общественных связей маргиналы.

На ранних этапах своего развития фундаменталистское движение в Таджикистане занимало более экстремистские позиции, нежели в настоящее время. Ориентируясь первоначально на идеологические установки "Братьев мусульман" – организации, которая дала классические образцы идеологии и организационных форм мусульманского фундаментализма, сторонники этого течения в Таджикистане выступали за восстановление в жизни мусульман норм и правил, якобы действовавших в мусульманской общине при ее основателе пророке Мухаммеде и его ближайших преемниках. Они провозглашали единственными источниками религиозной, общественной и нравственной жизни Коран и достоверную часть мусульманского священного предания – сунну, объявляли джахилийскими (т.е. языческими, враждебными исламу) не только официальные общественные порядки и политическую власть, но также и деятельность контролируемых государством мулл и само существование привилегированных сословий в традиционном азиатском обществе. Иными словами, в конце 70-х – середине 80-х годов фундаменталистские группировки выступали за насильственную модернизацию традиционного общества Таджикистана.

К 1983 г. среди фундаменталистских группировок республики стали проявляться тенденции к объединению и координа-

ции деятельности в масштабе всей республики, потому что именно тогда стал выходить, разумеется нелегально, первый печатный орган фундаменталистов журнал "Хидоят" ("Водительство"). Сейчас ИПВ издает газету "Надрот" ("Спасение"), а Д.Усмоя - свою собственную газету "Паёми хак" ("Голос разума"). Несколько позднее (скорее всего, со второй половины 80-х годов) в фундаменталистских группах Таджикистана начинают приобретать верховенство представители старинных влиятельных духовных родов, главным образом ишанских (т.е. родов руководителей суфийских, мусульманских мистических братств, например, кадаритов или накшбендиев).

Соответственно более умеренными стали и установки фундаменталистов. Теперь ИПВ не выступает против традиционных мусульманских духовных сословий, даже если их деятельность не вполне отвечает истинно мусульманским установлениям. С одной стороны - оттого, что массы мусульман признают эти сословия в качестве своих руководителей, с другой - в силу того, что эти сословия воспитывают простых мусульман в духе благочестия, пусть и не совсем образцового. Правда, старые фундаменталисты, маргиналы, как представляется, все же не вполне со всем этим согласны. Так, один из деятелей Матчинской районной организации ИПВ, работающий на водо-насосной станции пос. Бустон, считает, что мусульмане обязаны уважать только истинных потомков пророка Мухаммеда; сейчас же таких почти не осталось, потому что в своем большинстве они были уничтожены еще в УШ в. нечестивым правителем Ирака и Хорасана ал-Хаджайджем ибн Йусуфом; те же сейиды (потомки Мухаммеда), которые считаются таковыми в настоящее время, обладают не истинными, а подложными родословными и поэтому не заслуживают никакого почтения. Видимо, в этом тезисе чувствуется недовольство главенством старинных духовных сословий, существующее и в обществе в целом, и в партии.

Несколько более терпимым стало в последнее время и отношение ИПВ к официальным властям. Если прежде фундамента-

листы называли республиканские власти языческими и богопротивными, то теперь ИПВ напрямую не выступает против президента Р.Набиева, чтобы дать ему шанс показать народу, на что он способен (например, на антипрезидентском митинге в Душанбе 12 января ИПВ участвовала лишь в качестве наблюдателя).

Существенно улучшились и отношения ИПВ с Казиятом, в чем, скорее всего, не последнюю роль играют земляческие и сословные связи между амиром ИПВ М.Химмат-зода и казиколоном Турадзон-зода. О близости позиций Казията и ИПВ свидетельствует и то, что М.Химмат-зода выступил со статьей в первом номере органа Казията газете "Минбар аль-ислам".

Если ранее фундаменталистские группы Таджикистана ориентировались на идеологию и практику "Братьев-мусульман", то теперь - в большей мере на установки религиозного руководства Ирана, в первую очередь, на наследие Р.Хомейни. Некоторые руководящие деятели ИПВ подчеркивали в беседах, что именно Иран является той страной, где существует истинно мусульманская система правления. В то же время среди деятелей ИПВ существует мнение, что, хотя об Иране говорят как об истинно мусульманской стране, правильно судить об этом можно, лишь побывав там. Возможно, что расхождения такого рода связаны с существованием в партии двух блоков: одного, контролируемого представителями традиционных духовных родов, другого - выходцами из маргинальных групп.

Принципиально иное отношение ИПВ к иным мусульманским государствам, даже таким, казалось бы ригористичным в религиозном отношении, как Саудовская Аравия, Пакистан и Ливия. Несмотря на заверения руководителей этих государств о необходимости установления тесных дружеских отношений и помощь, оказываемую ими мусульманам Средней Азии, идеологи ИПВ не считают системы правления в этих странах подлинно мусульманскими. Так, один из активистов ИПВ, совершивший летом 1991 г.

хадж, убежден, что король Саудовской Аравии только использует ислам в политических целях, сам же ведет нечестивый образ жизни. Помощь, оказываемая им мусульманам Средней Азии, мизерна относительно возможностей, которыми располагает Саудовское королевство. У него сложилось впечатление, что коренные саудовские арабы бездельничают, живут за счет доходов от нефти и паломничества, а работают за них бесправные рабочие-иммигранты, что недостойно истинных мусульман.

Правда, представители ходжентского духовенства, совершившие хадж, видимо, установили в Саудовской Аравии контакты с выходцами из Таджикистана и даже из самого Ходжента, в поведении которых они отметили радушие и щедрость по отношению к землякам. Некий саудовский миллионер, ходжентец по происхождению, якобы даже разрабатывает проект по развитию города и всего края. В то же время участникам хаджа понравилось, что в Саудовской Аравии широко используются бытовые достижения западной цивилизации. Им бы хотелось, чтобы и таджикские мусульмане следовали в этом отношении примеру саудовцев. Видимо, по мнению активистов ИПВ, этим западное влияние в Таджикистане и должно ограничиться.

Ориентируясь на умеренные темпы и масштабы преобразования современного таджикского общества в образцовое мусульманское, некоторые из лидеров ИПВ делают упор на нравственное воспитание молодежи, собираясь использовать для решения этой задачи богатый опыт суфийской нравственной практики. Одним из образцов для подражания для них является четвертый праведный халиф Али. В этом, безусловно, проявляется проиранская направленность определенного слоя руководителей и простых членов ИПВ, ибо халиф Али и его потомки занимают важнейшее место в религиозных представлениях иранских шиитов. Существенным различием между деятелями ИПВ этого направления, суннитами по убеждениям, и иранскими шиитами является то, что сунниты считают Али просто праведным человеком и почитают его как сподвижника и родствен-

ника пророка Мухаммеда, в то время как, согласно шиитской догматике, Али и его потомки являются носителями особой святой благодати - бараки, которую они наследуют от Пророка.

Пользуясь благожелательным отношением Казията ИПВ в настоящее время стремится к установлению своего контроля над крупными мечетями, официально подчиняющимися Казияту. Во многих из них заместителями настоятелей (мутавалли) являются активные члены ИПВ. При этом имамы мечетей, согласно специальному указанию Казията, не должны официально состоять в партии. По всей видимости мутавалли - члены ИПВ играют роль своеобразных политических комиссаров. Они далеко не всегда одобряют деятельность имамов, формируя в той или иной степени мнение прихожан о своих наставниках. Например, по этим каналам распространяются порочащие хатыба Ходжентской мечети слухи, а о настоятеле мечети Бухари под Бустоном говорят, что он хоть и хороший, ученый человек, но излишне привержен мирским благам.

ИПВ представляет собой закрытую структуру, члены которой считают себя особо благочестивыми мусульманами. Для поддержания такого имиджа в глазах общественного мнения в партии, как уже говорилось, широко используются традиционные для населения Таджикистана формы передачи социальной информации - мужские объединения. Этим, в том числе, объясняется исключительно высокий уровень партийной дисциплины в ИПВ, особенно выпукло проявляемый в периоды общественно-политических акций.

Деятельность ИПВ воспринимается в обществе, разумеется, неоднозначно. По-видимому, значительное число рядовых верующих поддерживает ее программу. Им, помимо всего прочего, импонирует и подчеркнута аскетический внешний облик рядовых членов и руководителей ИПВ. Других же программные установки ИПВ пугают. Многие женщины, особенно городские, боятся, что если ИПВ придет к власти, то всех заставят носить

паранджу. Возможно, именно достаточно широкое распространение в обществе таких опасений заставило одного из мутавалли подчеркнуть в беседе, что ношение паранджи противоречит истинному исламу, который требует от женщин лишь закрывать волосы платком.

Многих людей старшего поколения и более молодых, находящихся под их влиянием, отпугивает в активистах ИПВ то, что они выступают против современных форм традиционной обрядности. Один из наших респондентов был оскорблен, например, отказом соседа — члена ИПВ посетить устроенные им поминки по отцу, считая, что последний сделал так из идеологических соображений, нарушив тем самым не только древние традиции, но и просто соседские отношения.

И, наконец, серьезное раздражение традиционалистски ориентированных верующих вызывает рационалистическая трактовка идеологами партии деятельности пророка Мухаммеда. По этой причине, как считают многие сельские жители на юге республики, многие члены и сторонники ИПВ не настоящие мусульмане, так как по-настоящему не верят в пророка Мухаммеда.

В заключение следует остановиться на взаимоотношениях ИПВ Таджикистана с общесоюзной ИПВ. По всей видимости, между этими родственными структурами существуют серьезные разногласия. Руководители таджикостанских фундаменталистов считают себя наиболее сильной организацией такого направления в СНГ. По словам Д.Усмона, сама идея создания общесоюзной ИПВ была впервые выдвинута в Таджикистане. На учредительном съезде общесоюзной ИПВ 60% всех делегатов были представителями Таджикистана. Д.Усмон считает, что в скором времени ИПВ Таджикистана станет совершенно независимой, самостоятельной организацией, хотя и сохранит с общесоюзной ИПВ определенные связи. В Москве же руководители ИПВ считают Таджикостанскую организацию своей региональной структурой (официально со дня проведения региональной конференции в Таджикистане 6 октября 1990 г.), у которой

по словам председателя Совета уламов (алимов) и прессташе В.Г.Садура, с центральной ИПВ примерно такие же связи, какие существовали ранее между КПСС и КП Таджикистана. Для руководства ИПВ республики такая точка зрения совершенно неприемлема.

Помимо чисто политических и амбициозных разногласий между двумя этими структурами существуют и разногласия идеологического характера. По некоторым оценкам, общесоюзная ИПВ, основу которой составляют северокавказцы и казанские татары, ориентируется на принципы "Братьев-мусульман", которые на нынешнем этапе неприемлемы для таджикистанских фундаменталистов. Таковы же и идеологические разногласия между ИПВ Таджикистана и Узбекистана.

Как бы то ни было, эта организация является одной из ведущих политических сил республики, объективно стремящейся к власти, которая в будущем может попытаться построить здесь "образцовое" мусульманское общество, опираясь либо на иранскую, либо на арабскую ("Братья-мусульмане") его модель.

Движение "Растоhez" и Демократическая партия: таджикские национал-демократы

Другим направлением современной общественно-политической жизни

Таджикистана является тенденция светского национализма, представленного образовавшимся в 1989 г. движением "Растоhez" (председатель Т.Джабборов) и отпочковавшейся от него в 1990 г. Демократической партией. По словам заместителя председателя "Растохеца" Шарафаддина Имомова, движение объединяет в своих рядах главным образом представителей интеллигенции и ставит своей целью осуществление культурного возрождения таджикского народа, который в настоящее время, с точки зрения идеологов "Растохеца", стал терять свои исконные национальные черты; очищение и восстановление общественной роли таджикского языка; осуществление экономического развития республики на плюралистической основе. "Растоhez" выступает, как подчеркнул Ш.Имомов, за осуществление

прав личности и учет прав русскоязычного населения.

Анализ высказываний руководителей "Растохеза", а также даже беглый взгляд на публикации, содержащиеся в контролируемой "Растохезом" и ДП прессе, показывают, что объективно в идеологии таджикских демократов националистические положения превалируют над требованиями чисто демократического характера. Основной же, ядром националистических установок идеологии "Растохеза" и ДП являются паниранистские представления. Так, востоковед по образованию и профессии Ш.Имомов считает, что именно таджики были главнейшим этносом, который основал древнеиранскую империю Ахеменидов. На самом же деле, естественно, о таджиках как об этносе в середине первого тысячелетия до н.э. говорить не приходится, территории же, где жили их предки, составляли меньшую часть Ахеменидского государства.

В идеологически близких "Растохезу" и ДП изданиях, таких как "Чароги-руз", "Сохан", "Сомон" и других постоянно появляются публикации о величии иранской культуры, о том, что Средняя Азия представляет собой историческую область расселения иранцев, о несправедливости отторжения от Таджикистана Самарканда и Бухары, исторически принадлежавших таджикам.

Руководители "Растохеза" видят большую опасность для Таджикистана в том, что он со всех сторон окружен тюркоязычными государствами. Это, с их точки зрения, предопределяется развитием связей Таджикистана с его южными соседями - Ираном и Афганистаном. До сих пор в идеологии и пропаганде таджикских демократов большое место занимают февральские события 1990 г. в Душанбе. В демократической среде бытует мнение, что погромы и столкновения были организованы партийно-государственными кругами и сросшимися с ними мафиозными структурами для дискредитации демократического движения.

Социально-экономические требования "Растохеза" и ДП, с которыми они выходят на митинги, носят крайне расплывча-

тый и неконструктивный характер. Например, во время прошедшего 12 января 1992 г. митинга в Душанбе выступавшие в крайне резких тонах протестовали против повышения цен, обвиняли Верховный Совет и президента Р.Набиева в связях с мафиозными силами, стремлении восстановить коммунистический режим и задушить прогрессивные реформы в Таджикистане. Никакой же реальной альтернативы действиям властей предложено не было.

Несмотря на изначально южную ориентацию демократического движения, на севере теперь также имеются местные организации ДП и "Растохеза". Так, недавно коллективным членом "Растохеза" стало движение "Охъёи Хучжанд" ("Возрождение Ходжента").

В целом, как представляется, национал-демократическое движение Таджикистана имеет чрезвычайно слабую социальную базу, идеологические же его установки расплывчаты. Для сопоставления можно указать, к примеру, что в Матчинском районе членами ДП являются лишь около 500 человек, тогда как членов ИПВ здесь около 6 тысяч, а с активными сторонниками, формально в партии не состоящими, — в несколько раз больше. Думается, что в скором времени, по мере дальнейшей политизации общества и обострения политической обстановки, главенствующую роль среди оппозиционных правящему режиму сил станут играть религиозные фундаменталисты, а не национал-демократы, как имеющие более широкую социальную базу, более сильную организационную основу и более четкую и понятную народу идеологию.

Ряд других политических общественных организаций в Таджикистане имеют исключительно локальный и территориальный характер и не оказывают пока существенного влияния на политическую жизнь Таджикистана¹⁷.

Сторонники президента Р.Набиева и Коммунистической партии Таджикистана

Реальная политическая и государственная власть в республике находится в руках

президента Р.Набиева и тесно связанного с ним партийно-административного аппарата, в котором, как мы уже отмечали, много выходцев с Севера. Противники Р.Набиева как национал-демократы, так и фундаменталисты обвиняют его в том, что он опирается на возрождающиеся партийные структуры и стремится к восстановлению коммунистического режима. На самом деле отношения между Р.Набиевым и Компартией достаточно сложные. По мнению некоторых респондентов, близких к президентскому окружению, Р.Набиев постарается покончить с партией потому, что в свое время пострадал от партийного произвола, так как находясь в середине восьмидесятых годов на посту первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана стремился проводить независимую от центра политику, отвечающую национальным интересам. Тем не менее, как известно, 18 января состоялся съезд партии и она легально возобновила свою деятельность. В магазинах продолжают продаваться предметы старой советской символики - флаги, вымпелы, бланки почетных грамот и др., на улицах и площадях в неприкосновенности лозунги и призывы начала 80-х годов (например, на самой высокой точке г.Ходжента, видимой отовсюду - неизменный призыв "Слава КПСС!").

Подавляющая часть государственного аппарата поддерживает реставрацию советских принципов организации общественной жизни. В этих кругах считают, что советская власть очень много дала Таджикистану, прежде всего - государственность и индустриальную базу. По словам одного из военнослужащих, до революции в Ходженте никто и не думал построить мост через Сырдарью. На самом же деле первый мост был построен еще в конце прошлого века. Интересно отметить, что указанный военнослужащий происходит из бедного и незнатного рода чайрикёров (тадж. чорьяккор - *издольщик*), многие члены которого в 30-50е гг. заняли высокие военные посты

По этой причине наш респондент считает себя всем обязанным советской власти.

Очевидно, что целью президента Р.Набиева является до-

стижение в Таджикистане социально-политической стабильности, создание системы управляемого рынка, удовлетворение элементарных жизненных потребностей населения и постепенное проведение модернизации.

Осуществляются некоторые популистские шаги, направленные на снижение социальной напряженности в обществе. Так, официальная пропаганда, радио и телевидение постоянно твердят о том, что органы внутренних дел развернули борьбу против якобы ставших рассадниками спекуляции кооперативов и изымают у них большие партии утаенного от народа товара. Оппозиция же обвиняет президента в том, что органы подтасовывают факты нарушений для дискредитации предпринимательства в принципе и ликвидации в перспективе экономических реформ, а также в том, что местные власти тормозят роспуск колхозов и совхозов.

В кругах, близких к президенту, циркулируют идеи о необходимости модернизации экономики Таджикистана с помощью широкого привлечения для этих целей западного капитала.

Неясно, правда, учитывает ли руководство республики, что широкая программа модернизации может существенно обострить и без того напряженные социальные отношения, вызвать массовое противодействие внедрению западных культурных ценностей и привести в конечном итоге к усилению в обществе позиций фундаменталистов. Ведь подобным образом и произошел революционный взрыв в Иране, повлекший падение прозападного шахского режима.

* * *

Ускоренный процесс политизации таджикского общества, начавшийся во второй половине 1980-х годов, происходит на основе и на фоне общего системного кризиса в таджикском обществе. Подчеркнем, именно в обществе, а не в государстве, как в России.

Хотя формально поводом для этих процессов стали изменения в бывшем советском государстве, вызванные так называемой "перестройкой", причины таджикостанских противоре-

чий и коллизий имеют не только значительно более глубокие, но и качественно иные корни, чем в российском обществе. Процесс этот идет весьма противоречиво и болезненно. Подчеркнем еще раз некоторые составляющие этого процесса. Во-первых, это структурные изменения самого общества, когда его традиционные институты (роды-авлоды, мужские объединения, кварталы-махалли со своими общественными центрами и другие), вынуждены трансформироваться под влиянием объективно изменившихся внешних условий или даже частично распадаться.

Меняется характер связей как внутри этих институтов, так и между ними. Происходит практически всеобщая замена вертикальных связей на горизонтальные. Традиционные институты начинают активно использоваться в современных политических процессах.

На эти трансформации продолжают оказывать все большее влияние внешние факторы (например, экологическая ситуация, земельно-водный голод, состав населения и его расселение и т.д.), которые еще сравнительно недавно сами были лишь производными некоторых первоначальных саморазрушающих общество факторов (прежде всего, демографического супервзрыва).

Однако в своей основе общество продолжает оставаться традиционалистским. Поэтому процесс современной политизации причудливо накладывается на его традиционные особенности, придавая им замысловатый, зачастую малопонятный для европейцев характер.

Отметим здесь такую важную, сохранившуюся характеристику общества, как его мифологическое общественное сознание, при котором члены общества, причем буквально всех социальных слоев и групп, оперируют не научными, или хотя бы достоверными фактами, а сохраняющимися на протяжении столетий мифами, легендами и социально-экономическими стереотипами.

Общество до сих пор не научилось отбирать

объективную, научно обоснованную, социально зна-

чимую информацию, да и сами средства массовой информации в Таджикистане (прежде всего печать) имеют весьма специфический характер и в значительной степени способствуют распространению мифологических стереотипов.

Основными передатчиками социальной информация остаются до сих пор общественное мнение (община) и религиозные авторитеты, а также выходцы из традиционных элитарных сословий.

На политические процессы накладываются и региональные этнокультурные, ментальные особенности таджиков, а также сословные и межсословные взаимосвязи и интересы.

Традиционной партийно-государственной номенклатуре в республике, которая в своей основе также является производной от традиционных элитарных сословий и формируется по региональным признакам, противостоит сейчас широкое народное движение. Правда, направлено оно не столько против государственной, сколько против партийной номенклатуры. Сами же принципы тотального государственного управления остаются вполне соответствующими общим принципам организации восточного общества.

Это широкое движение формируется и группируется по трем основным направлениям.

Первое, это движение "Растохез", до сих пор играющее серьезную роль в общественной жизни Таджикистана. Основу движения составляет национальная таджикская интеллигенция. Сейчас "Растохез" приобрел общенациональный характер, особенно после того, как в него, фактически, вошло северотаджикстанское общество "Эхъёи Хучжад". Однако и помимо "Растохеза" продолжают действовать немногочисленные региональные политклубы и другие подобные организации с узколокальными целями и задачами. Само движение "Растохез", хотя и носит подчеркнуто светский характер, состоит из мусульман, безотказно выполняющих требуемые обряды ислама и следующих традиционным нормам общественной жизни. Оно выступает за некоторую модернизацию общества, пути, средства,

методы, рамки которой остаются неопределенными. Идеология "Растохеза" объективно носит националистический характер.

Движение на уровне и в рамках политических партий имеет два основных направления: светское и духовное.

Светское представлено Демократической партией Таджикистана, которая в 1991 г. конститутировалась из "Растохеза" и, в силу этого, имеет те же, фактически, социально-политические характеристики, что и породившее его движение. И, в целом, — незначительную социальную базу. Основопологающей идеей ДП является национализм, прикрытый псевдodemократическими лозунгами.

Духовное политическое движение представлено Исламской партией возрождения, сформировавшейся на базе так называемых фундаменталистских группировок и имеющей в настоящее время проиранскую ориентацию. Эта партия, хотя и имеет весьма широкую социальную поддержку в Таджикистане, в своей основе несет все признаки традиционалистского общества: региональное и сословное самосознание, использование в качестве одного из неофициальных организационных принципов традиционных общественных механизмов. Внутри ИПВ прослеживаются два направления. Первое опирается на ревизионистские, сравнительно молодежные маргинальные слои, выступающие якобы за модернизацию общества, но фактически лишь за смягчение бремени обрядности и использование достижений западной цивилизации в быту без каких-либо радикальных трансформаций по западному образцу.

Второе направление представлено выходцами из традиционных элитарных сословий, опирающихся на самые широкие слои таджикского общества, преимущественно сельского, слабо затронутого западной идеологией. Эти слои пытаются сохранить свое влияние на массы, прикрываясь также лозунгами модернизации общества в целях повышения жизненного уровня населения.

Все эти политические процессы накладываются на весьма

сложную этническую структуру общества, где значительное число этносов занимает определенные социальные ниши. Этим определяется противостояние между коренными народами и русскими, которое в означенной ситуации не дает надежд на его нормализацию.

Таким образом выявляются три составляющих общей ситуации: кризис традиционалистского общества, в определенных аспектах переживающий этап даже внешней модернизации и регенерации; политизация в форме появления и развития политических движений, имеющих традиционалистскую основу; сложная этнополитическая ситуация. Сочетание и наложение друг на друга этих трех составляющих не позволяет надеяться на стабилизацию в ближайшее будущее социальных процессов в таджикском обществе.

П р и м е ч а н и я:

1. По переписи 1989 г. в пределах Средней Азии и Казахстана проживали 13238 тыс. представителей некоренных национальностей, не относящихся к "мусульманским" народам, что составляло 27% общей численности населения.
2. Таджикистан расположен на юго-востоке Средней Азии. На севере и западе граничит с Узбекистаном, на северо-востоке и востоке - с Кыргызстаном и Китаем, на юге - с Афганистаном. Площадь территории - 143,1 тыс. кв. км. На 1 января 1990 г. численность населения составила 5248 тыс. чел. По переписи 1989 г. в республике проживали таджики (62,29%), узбеки (23,52%), казахи, киргизы, каракалпаки и туркмены (1,89%), а также русские, украинцы и белорусы (8,58%), татары (1,56%). Кроме того, немцев, корейцев и представителей еще около 140 наций и народностей насчитывалось почти 110 тыс, что составляло 2,16% населения.

В других государствах Средней Азии и в Казахстане в 1989 г. жили 1042952 таджика, 20,48% от их общей численности. По переписи 1979 г. в республике насчитывалось 3360 населенных пунктов, в т.ч. 18 городов, 49 пгт и 3292 поселка и селения (кишлака).

3. В 1979-1990 гг. рождаемость в Таджикистане колебалась от 37,8 рождений на 1000 чел. населения до 42,1 и продолжала оставаться самой высокой в регионе. Анализ демографических показателей по всем республикам Средней Азии позволяет утверждать, что в Таджикистане темпы воспроизводства населения не имеют тенденций к снижению, а их колебания находятся в пределах некоторых естественных циклов.
4. В.И.Бушков. Таджикиский авлод тысячелетия спустя // Восток. - 1991. - № 5; Л.Ф.Моногарова, И.Мухитдинов. Современная сельская семья таджиков. - Ч.1; Л.Ф.Моногарова. Современная городская семья таджиков. - Ч.2 // Материалы к серии "Народы содружества независимых государств." -

Вып.8. Таджики. - М.: 1992.

5. Анализ конфликтов в Таджикистане подробно см.: В.И.Бушков. О некоторых аспектах межнациональных отношений в Средней Азии // Справка № 9. - М.: 1990. - Институт этнографии АН СССР; С.Н.Абашин, В.И.Бушков. Социальная напряженность и межнациональные конфликты в северных районах Таджикистана // Справка № 24. - М.: 1991. - Институт этнологии и антропологии РАН.
6. Работа написана на основе материалов, полученных во время поездки авторов в Таджикистан 8 - 24 января 1992 г., когда состоялись встречи и беседы с несколькими десятками жителей Таджикистана: таджиками, узбеками, русскими и др. Среди респондентов ^{были} представители многих социальных слоев и групп: интеллигенции, сфер материального производства и бытового обслуживания, торговли, простые дехкане. Таким образом оказалось возможным учесть точки зрения репрезентативной выборки населения. Ссылка на конкретных информаторов дается лишь тогда, когда их общественное положение важно для оценки высказываний.
7. Например, по новейшим, очень представительным исследованиям Л.Ф.Моногаровой и И.Мухитдинова в селениях Южного Таджикистана количество неразделенных семей колеблется от 14,3 до 39%, а в среднем неразделенные семьи составляют 21% от общего числа сельских семей. Кроме того, многие семьи, формально считающиеся малыми, на самом деле составляют с другими семьями единые авлоды, но разбросанные по разным участкам. Насколько иная ситуация в городах, где число неразделенных семей колеблется от 10,3 до 19,5%, однако все вышеизложенное полностью относится и к ним. См. Л.Ф.Моногарова, И.Мухитдинов. Указ. соч. - С.60; Л.Ф.Моногарова. Указ.соч. - С.45; В.И.Бушков. Указ.соч. - С.74.
8. Л.Ф.Моногарова. Изменение семейного уклада припамирских

народностей

за годы социалистического строительства // 1X Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. - М.: 1973. - С.14.

- 9) См. например: Р.Рахимов. "Мужские дома" в традиционной культуре таджиков. - Л.: 1990.
- 10) Полевые материалы, накопленные нами на протяжении 1970-х - 1980-х годов и подтвержденные поездкой января 1992 г., позволяют не согласиться с точкой зрения некоторых исследователей, в соответствии с которой "...30-е годы XX в. - практически последний период активного функционирования "мужских домов" не только у таджиков, но и у других народов Средней Азии...": Р.Рахимов. Указ.соч. - С.6.
- 11) Судьба матчинцев (также, как и некоторых иных групп, например, ягнобцев) сложилась трагично. Массовое переселение началось в 1956 г., до 1964 г. переехало 13000 чел. Переселение осуществлялось чисто административно, без создания предварительно на новых землях соответствующей социальной инфраструктуры. В результате большая группа населения, тысячелетиями проживавшего в определенной климатической и физико-географической среде, создавшего свою локальную субкультуру и выработавшего свою хозяйственную модель, оказалась перемещенной в совершенно иные условия физического и хозяйственного существования. Переселенцы так и не сумели приспособиться к новым условиям. Резко повысилась детская смертность, достигшая в первые после переселения годы 600 промиллей, начали умирать пожилые люди, организм которых уже не имел адаптивных возможностей. В результате оказались разрушенными многие социальные связи и, прежде всего, межпоколенные (вот почему исчез институт мужских объединений). Сейчас в таджикской части района идут активные процессы *ревитализации* исламских традиций, в рамках которых начинают возрождаться и казалось бы

ушедшие в небытие традиционные институты.

- 12) Например, жители Памира имеют трехступенчатое этническое самосознание. Между собой они называют свое первичное самоназвание "эгамик" (язгулемец), "хугни" (шугнанец) и т.д. При общении с приезжими, или приезжая в другие районы Таджикистана, они называют себя "помири" (памирцами), так же, как их называют в других регионах республики. И только за пределами Таджикистана они называют себя "тоджик": Л.Ф.Моногарова. Указ.соч. - С.16-17.

Показателем региональных различий между севером и югом служит, например, и сословная иерархия в этих регионах. Если на севере высшую ступень иерархии занимают ходжи, затем сейиды, ишаны и т.д., то на юге на верхней ступени находятся сейиды, ниже находятся ишаны, а уже затем идут ходжи и др.

- 13) В.Медведев. Праздник общей беды // Дружба народов. - 1990. - № 8.
- 14) Начавшийся уже в 1989 г. после ферганских событий отъезд из Таджикистана русскоязычного населения принял после февральских событий в Душанбе массовый характер. Только за 1990 г. из Таджикистана выехало не менее 100 тыс. человек. Уезжают не только русские (в Россию), но и немцы (преимущественно в Германию), евреи (в Израиль), представители других регионов бывшего СССР (например, Северного Кавказа и Закавказья). Среди уехавших немало семей со смешанными браками, где один из супругов таджик или таджичка.
- 15) В.И.Бушков. Формирование современной этнической ситуации в Северном Таджикистане // Советская этнография. - 1990.- № 2. - С.39.
- 16) На самом же деле это совершенно не так. Не говоря уже об уровне жизни таджиков в XIX столетии, о чем есть специальные исследования (например, М.Файзуллаев. Таджики предгорий Северного Таджикистана. Хозяйство и со-

циальная организация (конец XIX – первая треть XX вв.) // КД. – М.: 1989. – С.139–152 и др.), а также свидетельства очевидцев (например, В.И.Липский. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897 и 1899 году. – Ч.1 Гиссарская экспедиция, 1896 г. – СПб.: 1902. – С.155–156) Говоря ^о источниках финансирования бюджетов бывших республик Средней Азии, в печати приводятся и данные об обеспеченности населения региона товарами длительного пользования, которая существенно превышает сопоставимые показатели по России. Другое дело, что душевой денежный доход из государственных источников с учетом многодетности таджикских семей, специфическая структура трат, когда деньги тратятся не на индивидуальное потребление по европейскому образцу, а на престижное обеспечение общественных обрядов, дают формальные основания для многочисленных спекуляций на тему о нищете таджикского народа.

- 17) Гражданские движения в Таджикистане. – М.: 1990. – С.29 и далее.